

Не могу не привести здѣсь одного мѣста о Лвѣ Н-чѣ изъ книги „Философія Общаго Дѣла“. Нужно замѣтить, что Н-лай Ѳ-чъ на всѣхъ нашихъ писателей смотритъ, какъ на иностранцевъ, пишущихъ о Россіи; такъ, упрекая русскихъ писателей за то, что они не замѣтили такого явленія въ жизни русскаго народа, какъ построеніе *обыденныхъ церквей*, Н-лай Ѳ-чъ на 463 стран. „Филос. Общ. Дѣла“ говоритъ: „ни одинъ изъ нихъ (такъ называемыхъ великихъ писателей земли русской) даже не коснулся этого высоконравственнаго явленія, или же вѣрнѣе—великаго дѣла, ни одинъ не коснулся его хотя-бы мимоходомъ; наши великіе писатели берутъ людей не въ томъ состояніи, когда люди достигаютъ такой высоты, что въ нихъ исчезаютъ всѣ слабости, всѣ пороки и они дѣлаются героями, святыми, хотя, къ сожалѣнію, и на самое короткое лишь время; наши писатели видятъ людей только въ розни, въ ихъ слабостяхъ, въ ихъ порокахъ, находятъ въ русской жизни одни лишь отрицательные типы, и копаются во всемъ этомъ имъ доставляетъ, повидимому, великое удовольствіе; и только Гоголь почувствовалъ отвращеніе къ этому исканію мерзостей, которыя стали, наконецъ, его преслѣдовать, и онъ, можно сказать, не умеръ, а былъ убитъ носителями этихъ мерзостей и пошлостей, которыхъ онъ изображалъ въ своихъ произведеніяхъ. Но то былъ Гоголь, а Бѣлинскій былъ-бы убитъ, если-бы исчезли эти мерзости... Другой же великій писатель, переводя евангеліе, очень сокрушался, что жену, *владшюю* въ прелюбодѣяніе,—по выраженію истинно евангельскому,—нельзя печатно назвать площаднымъ именемъ, въ печати неупотребляемымъ, т. е. нельзя замѣнить вышеприведенное глубоко знаменательное евангельское выраженіе площаднымъ браннымъ словомъ“. Непосредственно же о Л-вѣ Н-чѣ на 453-й стран. говорится такъ: „Для Толстого, этого иностранца, пишущаго о Россіи, въ дѣтствѣ, по его собственнымъ словамъ, любовь къ матери сливалась съ любовью къ Богу, т. е. это значить, что онъ вѣрилъ тогда въ Бога матери, въ Бога родителей, въ Бога отцовъ, а слѣдовательно онъ не былъ тогда иностранцемъ и вѣрно понималъ *наибольшую заповѣдь*,*) понималъ ее такъ, какъ это слѣдуетъ по евангельски, тогда Толстой былъ истинно евангельское дитя. Но впоследствии Толстой, по собственному его признанію, утратилъ чувство дѣтственности, и ему стало казаться страннымъ, что чувство его къ матери сливалось съ любовью къ Богу,—стало казаться страннымъ именно то,

*) „Создавая мануфактурныя игрушки (т. е. роскошь) мы творимъ себѣ кумиры; обоготворяя силу, посылающую бездождіе, многодождіе, моровыя и другія язвы,—вмѣсто познания и управленія ею, какъ то требуетъ божественная заповѣдь,—мы лишаемъ себя насущно—необходимаго; предавшись вопросу о богатствѣ, т. е. вопросу объ игрушкахъ и забавахъ, или суетности, мы лишаемъ себя возможности даже призывать имя Бога, не дѣлая изъ этого призванія грѣха, преступленія, противъ третьей заповѣди; служить же одинъ лишь день въ неаѣлю,—и то мнимо, бездѣйственно,—Богу, а шесть дней истинно—служить мнимымъ, ложнымъ богамъ, предаваясь заботамъ объ обогащеніи,—не значить ли нарушать четвертую заповѣдь, которая, понятая въ христіанскій требовать „предать себя, другъ друга и всю жизнь свою труду, дѣлу воскресенія; а въ этомъ только смыслъ въ дѣлѣ воскресенія, и можетъ состоять исполненіе пятой заповѣди, ибо заповѣдь эта понятая по христіански, требуетъ уже не почтенія лишь къ отцу—матери, но ветхозавѣтному, а по христіански—воскресенію; воскресеніемъ же отцовъ—предковъ, приобрѣтается и собственное безсмертіе—Это и есть наибольшая заповѣдь, повелѣвающая любить Бога всѣмъ сердцемъ, всею душою, всею мыслью, всѣмъ разумнѣемъ, и ближняго, какъ самого себя“ (стр. 422-я Философія Общаго Дѣла, прилжч.)